

ГОДЪ XXXVIII.

Еженедѣльное

Юля 30-го 1906 г.

Подписная цѣна: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на три мѣсяца 1 р., на мѣсяць 40 к.

Съ доставкою и пересылкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяць 1 р.

Отдѣльные №№ по 10 коп. Продаются во всѣхъ кіоскахъ города Москвы.

изданіе.

№ 30.

Адресъ: Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ, редакція «Моск. Церк. Вѣдомостей».

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки: за 1 разъ 15 к., за 2 раза 25 к., за 3 раза 30 коп., на годъ—по особому условію.

Редакція открыта отъ 10 до 2 ч. дня.

Государственная Дума и православно-русская Церковь.

VI.

Думскій аграрный законопроектъ въ первыхъ параграфахъ уже былъ выработанъ, формулированъ и принятъ въ окончательной редакціи аграрною комиссіей. Онъ требовалъ отобранія въ пользу крестьянъ, *безъ всякаго вознагражденія* со стороны правительства, всѣхъ земель казенныхъ, кабинетскихъ, удѣльныхъ, церковныхъ и монастырскихъ и отобранія съ уплатою справедливаго вознагражденія собственникамъ всѣхъ земель частновладѣль-

ческих и принадлежащих „учрежденіямъ,“ за исключеніемъ участковъ культурно-воздѣланныхъ (сады, огороды, сельскохозяйственные культурные опыты) и участковъ небольшихъ по размѣрамъ,—не болѣе 50 десятинъ. Основаніемъ для такого законопроекта служило общее воззрѣніе на землю: она не должна обращаться въ капиталъ и въ источникъ дохода путемъ отдачи въ аренду, и можетъ быть отдана только тѣмъ, кто ее самъ, своимъ личнымъ трудомъ будетъ обрабатывать.

Относительно „церковныхъ“ земель думскій законопроектъ не озаботился точнымъ ихъ перечнемъ и разграниченіемъ и въ число земель въ собственномъ смыслѣ „церковныхъ“ отнесъ и причтовые участки, которые во всей Россіи служатъ важнымъ подспорьемъ для содержанія православнаго духовенства.

Законопроектъ свой Дума не рѣшилась представить въ его надлежащемъ освѣщеніи и въ надлежащей мотивировкѣ. А между тѣмъ это было бы и ясно, и прямо, и честно. Для всякаго вдумчиваго человѣка аграрный законопроектъ по отношенію къ землямъ Церкви православной есть логическое слѣдствіе перваго законопроекта о свободѣ совѣсти: если всѣ вѣроисповѣданія равны въ государствѣ; если ни одно изъ нихъ не считается господствующимъ и первенствующимъ; если ни одно вѣроисповѣданіе не можетъ дать своимъ послѣдователямъ ни малѣйшаго лишняго права въ государствѣ, сравнительно съ другимъ какимъ-либо вѣроисповѣданіемъ: то представляется совершенно необходимымъ и послѣдовательнымъ сравнять православную Церковь со всѣми прочими вѣроисповѣданіями, отобрать у ней и ея служителей все, что напоминаетъ ихъ древнія права и преимущества и выдвигаетъ православіе изъ числа другихъ вѣроисповѣданій. Отсюда, конечно, неизбежное требованіе отобранія церковныхъ и причтовыхъ земель и имуществъ. Въ такомъ случаѣ Думѣ для послѣдовательности и „уравненія“ нужно было провести законъ до конца и примѣнить его и къ другимъ вѣроисповѣднымъ группамъ въ Россіи. Укажемъ примѣры. Въ 1903 году не отобраны были, а только взяты въ управленіе казны земли и имущества армяно-грегоріанской Церкви съ тѣмъ,

чтобы деньги, вырученныя казною отъ земель, были обращаемы на содержаніе армянскаго духовенства и духовно-учебныхъ заведеній. Земель и имуществъ, при всѣхъ способахъ укрывательства, набралось на сумму до 4 милліоновъ рублей. Нужно замѣтить, что много земель армянской Церкви было даровано ей русскимъ же правительствомъ въ 30 и 40-хъ годахъ XIX столѣтія, для *временнаго* пользованія. Поднявшаяся агитація во всѣхъ либеральныхъ органахъ печати противъ этого закона, подкрѣпленная дѣйствіями революціонныхъ комитетовъ на Кавказѣ, вынудила правительство возвратить армянской Церкви земли и имущества, которыми она теперь безпрепятственно владѣетъ на Кавказѣ, въ странѣ, гдѣ земельная нужда и тѣснота среди туземцевъ настолько обострилась, что по мѣстамъ, какъ въ Гуріи, вызвала цѣлое революціонное движеніе на чисто аграрной почвѣ.

Въ Сибири ламаиты со временъ императрицы Елизаветы щедро были одарены землею. По послѣднему Положенію, въ ихъ средѣ ламы составляютъ $\frac{1}{10}$ часть всего населенія; всѣ религіозныя учрежденія и лица въ ламаизмѣ освобождены отъ податей и одарены землею въ количествѣ весьма значительномъ: бандидо-хамбо—500 десятинъ; на ширетуя 200 десят., на каждого ламу 60 десятинъ, на низшихъ служителей доцановъ—по 30 десятинъ на каждого, и даже на каждого *ученика* (ховаракъ) при главномъ дацанѣ—по 15 десятинъ на каждого. Имѣютъ земельные участки и сами дацаны (ламайскіе храмы-монастыри).

Теперь уже не тайна, что по соображеніямъ „тактическимъ“ Дума не могла затронуть правъ и преимуществъ иновѣрныхъ и инохристіанскихъ исповѣданій. Поэтому-то аргументація аграрнаго законопроекта относительно церковныхъ и монастырскихъ имуществъ и вращалась въ области общихъ аграрныхъ воззрѣній Думы.

Но и съ этой послѣдней точки зрѣнія думскій законопроектъ является несостоятельнымъ ни съ принципіальной, ни съ практической точки зрѣнія.

Законопроектъ имѣетъ въ виду дать землю малоземельнымъ и безземельнымъ; оказывается, по отношенію къ православному духовенству онъ достигаетъ обратной

цѣли, превращая имущихъ землю (и при томъ временно, пока членъ причта состоитъ на службѣ) въ совершенно безземельныхъ. Законопроектъ желаетъ передать землю тѣмъ, кто ее самъ обрабатываетъ, и на дѣлъ отнимаетъ ее именно у трудящихся, ибо въ Россіи духовенство, особенно діаконы и причетники, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, само работаетъ надъ землею ¹⁾. Наконецъ, законопроектъ разрѣшаетъ оставлять у землевладѣльцевъ-собственниковъ участки земли въ размѣрѣ не болѣе 50 десятинъ и почему-то отнимаютъ у духовенства гораздо меньшія участки, ибо на причтъ въ Россіи приходится 33 десятины, а при раздѣлѣ каждому члену причта въ отдѣльности—на каждое лицо значительно меньше: слѣдовательно, ни о какихъ латифундіяхъ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Что касается монастырскихъ земель, то почему же онѣ попали въ число отчуждаемыхъ бесплатно, а не наравнѣ съ „учрежденіями?“ Если монастырямъ казна иногда отводила земли бесплатно, то и учрежденія получали ихъ часто такимъ же путемъ. Если учрежденія приобрѣтали земли путемъ покупки или получали ихъ по завѣщаніямъ, какъ даръ, и поэтому должны быть справедливо вознаграждены платою за отчуждаемую землю, то и монастыри въ этомъ отношеніи не отличаются отъ учреждений, ибо и монастыри иногда покупали землю, иногда же получали ее въ даръ по завѣщаніямъ вѣрующихъ людей. Если учрежденія иногда воздѣлывали землю, удобрили ее, вложили въ нее трудъ, знаніе, капиталъ и посему справедливо могутъ рассчитывать на вознагражденіе при отчужденіи, то можно указать и монастыри, подобнымъ же образомъ распорядившіеся своими землями. Разница одна: учрежденія всегда разрабатывали землю наемными руками и при томъ на казенныя деньги, а монастыри разрабатывали землю чаще всего трудами монаховъ или на деньги, спеціально отдаваемые жертвователями на

¹⁾ Указаніе на то, что при обработкѣ земли духовенство иногда прибѣгаетъ къ наемнымъ рабочимъ, не имѣетъ смысла: развѣ можно прослѣдить за всѣми земледѣльцами Россіи, кто изъ нихъ исключительно своими руками работаетъ надъ землею, а кто по старости, болѣзни, малосемейности и друг. случайнымъ причинамъ вынужденъ нанимать рабочія руки для обработки земли или уборки хлѣба.

обитатели, ради Господа и спасенія души. И еще есть разница, и опять въ пользу монастырей: въ учрежденіи обыкновенно видимъ одно лицо, въ рѣдкихъ случаяхъ— нѣсколько, а монастыри наши обыкновенно весьма многочисленны, такъ что если каждаго члена общегитія монастырскаго удовлетворить изъ монастырскаго земельного участка равную долею, то надѣлъ на одно лицо не особенно разнился бы отъ обыкновеннаго надѣла крестьянскаго.

При всемъ томъ остается неразрѣшимымъ вопросъ, который въ подобныхъ случаяхъ всегда смущалъ общественную совѣсть, оскорблять которую и нечестиво, и опасно. Въ самомъ дѣлѣ, набожный христіанинъ завѣщалъ имущество на религіозныя цѣли, на расширеніе вліянія Церкви въ томъ или другомъ видѣ, въ той или иной сферѣ жизни, наконецъ, на поминовленіе своей души; онъ себѣ отказывалъ, чтобы сохранить или приобрѣсти это имѣніе, и ужъ навѣрное, отказалъ дѣтямъ и наслѣдникамъ, передавая землю церкви или монастырю. И вдругъ законопроектъ Думы вторгается въ такую сокровенную область, какъ религія, или, выражаясь словами даже думскаго законопроекта о свободѣ совѣсти, „въ то, что является интимнымъ и драгоцѣннымъ достояніемъ,“ и ради пользы государственныхъ, къ тому же и сомнительныхъ, грубо нарушаетъ волю завѣщателя. Къ чему можетъ привести въ концѣ-концовъ такой принципъ, послѣдовательно проведенный въ жизнь? Татары, насильники и завоеватели древней Руси, какъ показываетъ исторія, не рѣшались на такой шагъ, на который теперь рѣшаются съ легкимъ сердцемъ. Только атеистическая точка зрѣнія можетъ его оправдать. Помнится еврей— Лассаль доказывалъ, что исполненіе воли завѣщателя основано на вѣрѣ въ его загробную жизнь, а такъ какъ— де никакой загробной жизни нѣтъ, то... и т. д. Нужно сказать, что такое воззрѣніе не помѣшало самому Лассалю всю жизнь пользоваться пенсіей, въ 7000 марокъ въ годъ, завѣщанною въ его пользу графинею Гарцфельдъ, съ которою Лассаль состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ. Неужели *такая* воля завѣщательницъ священна, а воля умирающаго вѣрующаго человѣка можетъ быть попи-

раема? Повторяемъ, это скользкій и очень опасный по своимъ выводамъ и послѣдствіямъ путь оскорбленія общественной совѣсти и намѣреннаго развращенія народа. Прежде чѣмъ вступить на этотъ путь, надо крѣпко призадуматься не только о нравственной его гнилости, но если нравственныя соображенія отброшены, то по крайней мѣрѣ о его вредѣ для народа и государства.

Съ практической точки зрѣнія думскій законопроектъ также не выдерживаетъ никакой критики. Онъ разоряетъ духовенство и нисколько не обогащаетъ крестьянъ; онъ обрекаетъ священниковъ на положеніе чиновниковъ и тѣмъ умаляетъ и нравственное ихъ значеніе и, конечно, чрезъ это обездоливаетъ духовно и пастырей и пасомыхъ—крестьянъ. Объяснимся.

Что дадутъ духовенству вмѣсто земли? Жалованье? *Его не дадутъ*, разъ Дума поставила вопросъ такъ, что земли причетовыя отбираются *безъ всякаго вознагражденія*, наравнѣ съ свободными казенными. Если при самомъ актѣ отобраніи земель не говорится ни слова о вознагражденіи за нихъ и компенсаціи духовенства инымъ вспомошествованіемъ отъ государства, то на будущее рассчитывать нельзя. Но предположимъ, согласятся дать жалованье духовенству. Откуда, когда и въ какомъ размѣрѣ? Казна обременена долгами и едва справляется съ текущими расходами; аграрный вопросъ принудительнаго выкупа частновладѣльческихъ земель поставитъ предъ нею еще милліардный расходъ: до новыхъ ли отпусковъ духовенству? Дума уже связала себя обѣщаніями ввести всеобщее начальное обученіе; эта статья, предполагая необходимое расширеніе сѣти низшихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній въ соотвѣтствіи съ числомъ начальныхъ школъ (по крайней мѣрѣ въ четыре раза сравнительно съ теперешнимъ ихъ количествомъ), потребуетъ новаго ежегоднаго расхода до полумилліарда рублей... Трудно ожидать при такихъ условіяхъ назначенія жалованія духовенству, особенно при господствѣ правового государства, по принципу котораго если дается жалованье православному священнику, то съ нимъ нужно будетъ сравнять всѣхъ соотвѣтствующихъ ему служителей хри-

стіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій... Иначе вѣдь не будетъ равенства...

Но если бы и нашлось желаніе дать православному клиру жалованье, то можетъ ли оно дойти до такихъ размѣровъ, чтобы вполнѣ замѣнить доходъ съ причтовыхъ земель? Удобства ихъ житейскія и хозяйственныя по условіямъ деревенской жизни таковы, что ихъ трудно перевести на деньги. Есть вещи, которыхъ и за деньги въ глухой деревнѣ не достанешь, не занимаясь своимъ хозяйствомъ. (Солома, топливо, овощи, свое молоко и молочные продукты, кормъ птицѣ и скоту, животные продукты и т. п.). Эта сторона дѣла подробно выяснена во многихъ статьяхъ, появившихся въ различныхъ церковныхъ органахъ и написанныхъ сельскими іереями по поводу думскаго аграрнаго законопроекта. Итакъ, доходы и удобства земельного причтоваго участка при условіяхъ нашей деревенской жизни оказывается трудно учесть деньгами.

Нравственная же сторона здѣсь совершенно забыта, а она и совѣмъ на деньги не можетъ быть оцѣнена. Священникъ, занимающійся сельскимъ хозяйствомъ, прежде всего на себѣ испытываетъ все нравственно-облагораживающее вліяніе святого земледѣльческаго труда, воспитавшаго всѣ лучшія стороны духа славянской земледѣльческой расы. Кромѣ того, онъ роднится съ крестьяниномъ — пасомымъ общностью интересовъ, общностью печалей и радостей; онъ близокъ и понятенъ пасомымъ, и пасомые ему понятны и близки. Общая у нихъ и молитва къ Господу о дождѣ и ведрѣ, о благораствореніи воздуховъ и земли плодоносіи, о изобиліи плодовъ земныхъ и временехъ мирныхъ.

Образованный и усердный священникъ здѣсь и въ житейскомъ быту поможетъ темнотѣ народной и, конечно, раньше и лучше крестьянина введетъ въ свое хозяйство улучшеніе—не тысячныя изобрѣтенія и машины богачей, все равно крестьянину недоступныя, а такого рода улучшенія, которыя вполнѣ примѣнимы къ небольшому деревенскому хозяйству и доступны среднему крестьянину. Свое хозяйство, свои земли, свой дворъ, скотъ, свой домъ—все это привязываетъ священника къ приходу, все это заста-

вляеть его надолго, если не навсегда оставаться на одномъ мѣстѣ. А это вмѣстѣ съ тѣмъ роднить его болѣе и болѣе съ окружающими, связываетъ съ ними тысячами связей, заставляетъ заботиться о мирныхъ и любовныхъ съ ними отношеніяхъ и даетъ ему чрезъ это силу и широту вліянія на прихожанъ во всѣхъ возрастахъ: иное дѣло священникъ, пробывшій въ приходѣ 2 — 3 года и переѣхавшій затѣмъ въ другое село, и совсѣмъ иное дѣло священникъ, который училъ прихожанина въ школѣ, вѣнчалъ его, крестилъ его дѣтей или даже внуковъ, хоронилъ его близкихъ и т. д.

Отнимите всѣ эти невидимыя связи, оторвите пастыря отъ земли и одинаковаго съ пасомыми труда и одинаковыхъ интересовъ, и получите священника—чиновника. Онъ будетъ переходить съ мѣста на мѣсто, какъ это мы и видимъ въ южныхъ нашихъ епархіяхъ, гдѣ духовенство, весьма обеспеченное, землю сдаетъ въ аренду и сельскимъ трудомъ не занимается; онъ будетъ тѣмъ же, что представляетъ изъ себя сельскій учитель, фельдшеръ, приставъ или акцизный чиновникъ. Мудрено ли, что и храмъ тогда перестанетъ быть мѣстомъ общенія пастыря съ пасомыми и вліянія его на нихъ и обратится въ вмѣсто только „нужно-потребныхъ“ требъ, которыхъ нельзя избѣгнуть, а самъ пастырь станетъ только наемникомъ,—требоисправителемъ. Духовная жизнь народа тогда будетъ замирать, общеніе съ Церковью неизбежно будетъ умалено; душа народная между тѣмъ затоскуетъ въ одиночествѣ и заброшенности, запроситъ сродной пищи, запроситъ близкихъ пастырей,—и бросится въ объятія сектантства. Это мы и видимъ въ Сибири, въ Новоросіи и на Кавказѣ. Въ Великоросіи искони духовенство было народнымъ, и мы здѣсь видимъ только расколъ, все-таки въ формахъ церковныхъ сохранившій ученіе православія, національное русское самосознаніе; въ Малоросіи же и вообще на югѣ, гдѣ богатые священники были всегда „панями“, а дѣти ихъ и назывались „панычами“, гдѣ духовенство крестьянскимъ трудомъ гнушалось и чрезъ это далеко стояло отъ народа, мы видимъ, напротивъ, крайнее развитіе религіознаго сектантства въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, которыя объединяются въ

раціоналізмъ, полномъ отсутствіи церковности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ наклонности къ космополитизму и социалистическимъ тенденціямъ въ области общественно-государственныхъ воззрѣній.

Это знаменательные показатели.

Но, можетъ-быть, отображеніе церковныхъ земель дастъ, по крайней мѣрѣ, крестьянству необыкновенное увеличеніе земельного надѣла, которое обратитъ крестьянъ изъ бѣдняковъ въ состоятельныхъ хозяевъ? Увы, даже и такого значенія аграрный думскій занопроектъ не имѣетъ.

Газеты „прогрессивнаго“ направленія раздули и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно замутили этотъ запросъ массою совершенно лживыхъ статистическихъ данныхъ и выводовъ. Началось въ 1904—5 г. г. съ преувеличеннаго въ тысячи разъ показанія монастырскихъ капиталовъ, которыхъ одна газета насчитала до 20 миллиардовъ (!), окончилось теперь, въ 1906 году, такимъ же преувеличеннымъ показаніемъ количества церковныхъ земель. Но если счетъ капиталовъ провѣрить довольно затруднительно, къ тому же капиталы можно и скрыть, то ужъ относительно земли дѣло представляется совершенно яснымъ. Вотъ что читаемъ въ офиц. органѣ Св. Синода „Церк. Вѣдом.“ 1906 г. (№ 27) о количествѣ церковныхъ и монастырскихъ земель, (нижеприведенныя свѣдѣнія указаны по надлежаще провѣреннымъ даннымъ хозяйственнаго управленія Св. Синода):

„Газета „Трудовая Россія“ сообщила слѣдующія свѣдѣнія о количествѣ церковныхъ и монастырскихъ земель:

„По изслѣдованію, сдѣланному почти 30 лѣтъ тому назадъ, церковнымъ учрежденіямъ, монастырямъ и церквямъ принадлежитъ 8.500.000 десятинъ. Земли эти чаще всего удобныя и прямо очень цѣнныя,—съ рыбными ловлями, съ заливными лугами, съ лѣсомъ. Расположены эти владѣнія чаще всего не въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ земли и безъ того много, а въ мѣстахъ населенныхъ“.

„Газета не говоритъ, что это за „изслѣдованіе, бывшее почти 30 лѣтъ назадъ“, кѣмъ и какимъ образомъ оно было произведено, гдѣ находятся добытые имъ матеріалы и пользовался ли этими матеріалами авторъ газетной статьи. Безъ этихъ же данныхъ сообщенныя „свѣдѣнія“

являются только голословными. Въ виду же того, что подобныя сообщенія принимаются многими на вѣру и полагаются въ основу для сужденій и выводовъ по волнующему всѣхъ аграрному вопросу, представляется необходимымъ противопоставить имъ точныя свѣдѣнія, по даннымъ, имѣющимся въ учрежденіяхъ Св. Синода. Эти данныя, относящіяся къ 1890 г., научно разработаны Н. А. Любинецкимъ въ сопоставленіи съ данными центрального статистическаго комитета по обследованію земельной собственности въ 1877 году, и изданы подъ заглавіемъ: „Землевладѣніе церквей и монастырей Россійской Имперіи“, Спб. 1890 г.

„Окончательные выводы изъ данныхъ Святѣйшаго Синода (1890 г.) выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

а) Церквей, имѣющихъ земельную собственность во всѣхъ епархіяхъ Имперіи.	30.993 ц.
количество принадлежащей имъ земли составляетъ всего	1.863.943 д.
(въ томъ числѣ неудобной—154.366 д.).	
б) Монастырей, имѣющихъ земельную собственность	697 м.
количество принадлежащей имъ земли.	496.308 д.
(въ томъ числѣ неудобной—75.900 д.).	
изъ)	

Общее количество церковныхъ и монастырскихъ земельныхъ имуществъ составляетъ 2.360.252 д.
(въ томъ числѣ неудобной земли 230.266 дес., т. е. 9,75% общаго количества).

„Чрезвычайно интересна въ названной книгѣ Любинецкаго таблица со свѣдѣніями, сколько приходится на одно церковное владѣніе крестьянскихъ дворовъ. Оказывается, что на церковное владѣніе крестьянскихъ дворовъ приходится отъ 115 (въ Архангельской епархіи) до 678 (въ Оренбургской епархіи). Средній же размѣръ церковнаго владѣнія составляетъ 74,47 дес., что на одинъ крестьянскій дворъ составитъ отъ 0,64 дес. (въ Архангельской епархіи) и до 0,11 дес., (въ Оренбургской епархіи). Эти цифры наглядно показываютъ, какъ ничтожны въ общей массѣ земельныя владѣнія церквей и монастырей,

и какъ жестоко ошибаются тѣ, которые рассчитываютъ на церковныя и монастырскія земли, какъ на одно изъ средствъ къ разрѣшенію аграрнаго вопроса“.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить, что земельная тѣснота чувствуется не въ Архангельской и Оренбургской губерніяхъ, а, главнымъ образомъ, въ черноземной полосѣ Россіи. Представимъ себѣ, что здѣсь въ приходѣ отдана въ пользу крестьянъ причтовая земля: это 33 десятины по крайней мѣрѣ на 800—900 мужскихъ душъ. Что же получаютъ крестьяне? Имъ придется на человѣка по $\frac{1}{24}$ десятины. Вотъ и все обогащеніе; оно не только не отвратитъ, но даже и не отдалитъ земельного кризиса... Повидимому, даже и крестьяне сами, несмотря на усиленную среди нихъ агитацію, понимаютъ это: мы доселѣ еще ни разу не слышали и не читали, чтобы крестьяне требовали отобрать въ ихъ пользу или самовольно запахивали и косили земли церковныя и монастырскія. Не было даже попытокъ къ такимъ насиліямъ или къ погромамъ хозяйствъ на земляхъ причтовыхъ или монастырскихъ. Профессоръ Чупровъ высчиталъ, что площадь крестьянскаго землепользованія, при условіи отобранія рѣшительно всей земли въ Россіи въ пользу крестьянъ, увеличится только на 42%; при приростѣ населенія въ Россіи ежегодно въ два милліона человѣкъ, при удвоеніи населенія въ 50 лѣтъ, передача даже всей земли крестьянамъ только отдалила бы нѣсколько земельный кризисъ. Между тѣмъ, по изслѣдованію того же г. профессора, улучшеніе сельскохозяйственной культуры быстро можетъ повысить крестьянскую земледѣльческую производительность на 100, на 200 и даже на 300%. Возвышеніе нравственного уровня народа, уваженіе къ чужой личности и собственности, уменьшеніе пьянства, возвышеніе трудолюбія и настойчивости въ трудѣ, пожалуй, дало бы еще болѣе осязательные результаты...

Приниженіе Церкви и лишеніе ея матеріальныхъ средствъ едва ли повыситъ народную нравственность, а безъ этого никакія земельныя прирѣзки не создадутъ народнаго благосостоянія.

Это сознано во всѣхъ государствахъ Западной Европы; тамъ нигдѣ не подрываютъ силъ Церкви и просвѣтительнаго вліянія религіи. Нигдѣ въ Европѣ не найдете духо-

венства болѣе бѣднаго, чѣмъ въ Россіи; думскій же законопроектъ хочетъ сдѣлать его совсѣмъ нищимъ. Нерѣдко въ европейскихъ странахъ мы видимъ и церковныя имущества: въ Англіи и Венгріи *относительно* ихъ даже гораздо больше, чѣмъ въ Россіи. Это, замѣтите, въ культурно-правовыхъ государствахъ.

Думскіе законопроекты, съ роспускомъ Государственной Думы, конечно, пока потеряли свою силу... Тѣмъ не менѣе, мы подвергли ихъ разбору, имѣя въ виду непрактическое осуществленіе ихъ въ данное время, а ихъ принципиальную сторону. Съ этой точки зрѣнія и высказанныя нами сужденія, полагаемъ, имѣютъ значеніе не минутное и частное, а общее и постоянное.

Протоіерей *И. Восторговъ*.

Ильинъ день въ Палестинѣ.

Православный русскій народъ свято чтитъ пророка Илью, выдѣляя Ильинъ день изъ ряда другихъ праздниковъ. Но еще болѣе торжественно обставляются праздники въ честь пророка Ильи на Востокѣ. Въ Палестинѣ да и въ другихъ мѣстностяхъ Турецкой имперіи пророкъ Илья и Іоаннъ Креститель—наиболѣе чтимые святыя. Къ памяти о нихъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ относится какъ хрістіане, такъ и магометане. Въ Турціи путешественникъ встрѣтитъ не мало хрістіанскихъ монастырей, церквей и часовень, а также не мало магометанскихъ молельнь, посвященныхъ этимъ угодникамъ. Характерно то обстоятельство, что магометанскія молельни въ честь пророка Ильи всегда строятся на возвышенностяхъ, кажется, въ воспоминаніе того, что съ горы этотъ пророкъ былъ взятъ живымъ на небо. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся храмы въ честь Ильи (пророка Ильи), или Аль-Наби-Сіедна-Яхія (Іоанна Крестителя) празднество такихъ святыхъ привлекаетъ огромную массу пришлыхъ богомольцевъ и продолжается цѣлую недѣлю.

Мы имѣли случай лично присутствовать на подобномъ тор-

жествѣ въ небольшомъ арабскомъ селеніи Малюля, въ которомъ Ильинъ день былъ храмовымъ праздникомъ.

Въ Малюля мы выѣхали изъ Назарета, присоединившись къ свитѣ назаретскаго митрополита, отправлявшагося участвовать въ богослуженіи въ храмѣ этого селенія. Наша поѣздка состоялась 19-го іюля, т.-е. наканунѣ Ильина дня. Изъ Назарета до Малюля 1 $\frac{1}{2}$ ч. ѣзды. Большинство ѣхало верхомъ на лошадяхъ, только митрополитъ и наиболѣе пожилые священники изъ Назарета ѣхали верхомъ на осликахъ. На пути наша кавалькада обгоняла гнѣшихъ богомольцевъ, также слѣдившихъ въ Малюля. Иногда попадались тихо шагавшіе верблюды, лошади, ослы, нагруженные незатѣйливымъ хозяйствомъ своихъ владѣльцевъ, рядомъ съ этими животными плелось семейство арабовъ. Нерѣдко, обгоняя насъ, мчались всадники на прекрасныхъ, дорого цѣнящихся въ Европѣ арабскихъ скакунахъ,—это спортсмены-охотники, стремившіеся принять участіе въ имѣющихся быть завтра скачкахъ и джигитовкѣ. Всякое болѣе или менѣе важное торжество на Востокѣ, праздникъ христіанскій или магометанскій, непременно заканчивается устройствомъ скачекъ и джигитовки. Безъ этого немислимо ни одно народное гулянье.

Уже 19-го іюля въ Малюля царило необычайное оживленіе. Маленькое селеніе превратилось въ огромнѣйшую ярмарку. Богомольцевъ набралось свыше 700—800 человекъ. Въ числѣ ихъ преобладали арабы, прибывшіе изъ сосѣднихъ городовъ: Назарета, Акры, Кайфы, Тиверіады, и изъ ближайшихъ поселковъ. Кромѣ того, въ толпѣ встрѣчались красавцы-бедуины, путешествующіе по святымъ мѣстамъ, европейскіе туристы, греки, русскіе паломники. Разноязычный говоръ толпы издали напоминалъ жужжаніе пчелъ. Недостатокъ помѣщеній для ночлега никого не беспокоилъ. По окраинамъ селенія, въ зеленѣющихъ виноградникахъ и въ рощахъ абрикосоваго кустарника расположились богомольцы на отдыхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были раскинута шатры (палатки), но большинство, защищая себя отъ знойныхъ лучей солнца, устраивали навѣсъ, развѣшивая между кустарниками абрикоса полотнища матеріи, одежду и головныя покрывала (шали), составляющія самую необходимую часть гардероба мужчинъ-бедуиновъ. Окрестные жители прибывали въ Малюля со всѣмъ своимъ семействомъ и даже захватывая съ собою свое незатѣйливое негромоздкое хозяйство. Вблизи людей отдыхали ихъ животныя: лошади, ослики и верблюды. Цѣлая армія уличныхъ

продавцовъ предлагала богомольцамъ жизненные припасы, фрукты и всевозможныя бездѣлушки.

Я подошелъ къ группѣ русскихъ паломниковъ.

— Изъ какой губерніи путь держите?—задалъ я имъ вопросъ.

Крестьяне не сразу нашлись отвѣтомъ: они были удивлены, видя предъ собой араба, хорошо владѣющаго русскимъ языкомъ.

— А ты изъ какихъ будешь,—нашъ, аль здѣшній, турецкій?—въ свою очередь предложилъ мнѣ вопросъ одинъ изъ пилигримовъ.

Я объяснилъ. Богомольцы были очень довольны, найдя во мнѣ необходимаго имъ переводчика.

— Вотъ, господинъ, на тебѣ три цѣлковыхъ, сдѣлай милость, поторгуй для меня у этихъ чумазыхъ корзинку абрикосовъ,—обратился ко мнѣ какой то почтенный торговецъ, имѣющій лавку въ Охотномъ ряду въ Москвѣ,—какъ я узналъ впоследствии.

Требуемые фрукты оказались на много дешевле. Я купилъ для москвича корзину абрикосовъ вѣсомъ свыше 15 ф. за 20 коп., а за ратель (6 фунт.) прекраснаго винограда заплатилъ 2 метелика, т. е. 4—5 коп.

Для митрополита, его свиты, моего отца и меня были заранѣе приготовлены мѣста для ночлега въ покояхъ приходскаго священника.

Наступило утро, началась церковная служба, но богомольцы не могли помѣститься въ небольшомъ храмѣ села, и значительная часть ихъ молилась у храма. Служилъ митрополитъ съ нѣсколькими священниками. На обоихъ клиросахъ стояло по три пѣвчихъ изъ прихожанъ, но, согласно восточному обыкновению, на каждомъ клиросѣ пѣлъ только одинъ голосъ. Двое остальныхъ пѣвчихъ аккомпанировали пѣвцу тѣмъ гудениемъ, которое по гречески называется „иссонъ“. На правомъ клиросѣ пѣли по-гречески, на лѣвомъ по-арабски. Въ честь присутствующихъ въ храмѣ русскихъ паломниковъ по временамъ раздавалось „Господи, помилуй!“—единственное богослужебное молитвословіе, которое пѣвцы могли исполнить на русскомъ языкѣ. Обычнаго на Востокѣ раздѣленія половъ въ храмѣ въ этотъ день не наблюдалось: женщины и мужчины молились вмѣстѣ, какъ въ Россіи. Такъ какъ въ церкви были одни только христіане, восточныя женщины чувствовали себя здѣсь какъ дома: онѣ въ этотъ день не закрывали своего лица изаромъ (кисеей), какъ это дѣлается въ обыкновенное время. Безъ этихъ покрововъ онѣ оставались и по вы-

ходѣ изъ храма. Послѣ обѣдни мѣстный священникъ пригласилъ митрополита и наиболѣе почетныхъ лицъ изъ числа богомольцевъ на кофе. Остальная же масса, разбиваясь на многочисленныя группы, разсѣялась по всему селенію. Съ разныхъ сторонъ доносились пѣсни, не духовныя а самыя веселыя изъ небольшого репертуара арабовъ. Появились и различныя музыкальныя инструменты, но преобладалъ національный арабскій „дуррбуккэ“, нѣчто въ родѣ барабана. Появилось виноградное вино. Въ центрѣ небольшихъ кружковъ показались танцовщицы, задорно плясавшія подь аккомпаниментъ пѣсни и ритмическаго хлопанья въ ладоши зрителей. Народъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала излюбленныхъ на Востокѣ скачекъ. Арабы—единственныя, истинныя спортсмены. Къ своей любви къ спорту они никогда не присоединяютъ азарта, того денежнаго азарта, игры, призовъ, поощреній тотализатора, безъ которыхъ не обходится конскій спортъ въ Европѣ. И, несмотря на отсутствіе игры и денежныхъ поощреній фздоковъ и владѣльцевъ лошадей, арабскіе скакуны и въ настоящее время занимаютъ первое мѣсто по своей красотѣ и рѣзвости во всѣмъ мірѣ, и съ ними даже не сравниваются кони тѣхъ государствъ, въ которыхъ коннозаводство требуетъ такихъ огромныхъ и страшныхъ жертвъ. Ожидающая скачекъ толпа перебралась за околицу селенія, на мѣсто скачекъ. Говоръ усилился: толпа выражаетъ свое удовольствіе при сѣзжающихся соперникахъ. Въ скачкѣ приняло участіе около 25 чловѣкъ. Они построились въ одну линію, моментъ—лошади рванулись впередъ и скрылись отъ зрителей за поднявшейся пылью. Ожидали результата состязаній недолго. Вотъ показали мчавшіеся обратно три всадника, за ними сзади еще группа и далѣе другіе отставшіе.

Публика апплодируетъ. Многіе кричатъ „браво!“ но другіе предпочитаютъ иностранному одобренію турецкое: „офѣримъ!“ или арабское: „Афа-аль-я-хаяль-Шахба“! Передніе всадники безпощадно гонятъ своихъ лошадей. Но вотъ на финишѣ выдѣляется бедуинъ въ шелковомъ халатѣ, окрашенномъ въ красный и зеленый цвѣтъ, въ красныхъ легкихъ сапогахъ и съ красной шолковой повязкой на головѣ. Европейцы-туристы фотографируютъ и зрителей и участниковъ скачекъ. Восхищенный французъ что-то говоритъ ничего не понимающему по-французски побѣдителю—бедуину, важный англичанинъ суетъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ. „Зачѣмъ? За что?“—недоумѣваетъ побѣдитель.

Услужливый гидъ-переводчикъ объясняетъ бедуину, что это ему награда. Не столь богатый, сколько гордый бедуинъ не безъ презрѣнія смотритъ на золото и затѣмъ, возвращая монеты англичанину, проситъ переводчика передать иностранцу, что „не заслуживъ, могутъ брать деньги только нищѣ, которымъ и слѣдуетъ ихъ отдать“. Началась джигитовка, ѣздоки на всемъ скаку поднимали съ земли небольшіе предметы и продѣлывали разныя упражненія. Толпа, казалось, охрипла отъ выкриковъ восторга и одобреній. Въ джигитовкѣ наиболѣе отличался другой бедуинъ, пріѣхавшій изъ за Тиверіады. Окончились зрѣлища прославленіемъ побѣдителей. Составился хоръ, преимущественно изъ женщинъ, который нѣсколько разъ пропѣлъ въ честь участниковъ скачекъ, пѣсню, напоминающую русскую „Славу“. Наступило время обѣда. Толпа разошлась по своимъ шатрамъ. Почетные гости были приглашены на обѣдъ къ мухтару (старшина) селенія. Обѣдъ былъ накрытъ въ виноградникѣ. На большой площадкѣ виноградника были разостланы соломенные циновки—это мѣста для сидѣнія гостей. Для митрополита циновку замѣнялъ коверъ. Циновки образовали кругъ, въ серединѣ котораго была постлана бѣлая скатерть. Благославленные митрополитомъ хозяева и гости сѣли за обѣдъ по-турецки, т. е. поджавъ ноги. Такъ же усѣлся и митрополитъ. Перемѣнъ никакихъ не подавалось, все, что было изготовлено для гостей,—все находилось передъ ними. Тутъ были хлѣбъ, въ кувшинахъ съ узкими горлышками—клюквенная вода, красная редиска, виноградъ, абрикосы, два огромныхъ мѣдныхъ вылуженныхъ таза съ рисомъ и накрошенной бараниной, десять чашъ, по формѣ напоминающихъ полоскательницы, съ подливкой къ этому кушанью, — съ жареными съ мясомъ помидорами, нѣсколько мисогъ съ жареными на лепешкахъ цыплятами—вотъ и все. Вино отсутствовало, также отсутствовали такія необходимыя принадлежности стола, какъ ножи, вилки и даже ложки. Всѣ ѣли изъ общихъ чашекъ руками, вымытыми передъ тѣмъ, какъ приступить къ обѣду. Женщины на обѣдѣ не участвовали.

Приглашенные на обѣдъ два европейскіе туриста не безъ безразличности смотрѣли на трапезующихъ и, видимо, только благовоспитанность европейцевъ мѣшала имъ отказаться отъ участія въ ѣдѣ. Митрополитъ, вѣроятно, замѣтилъ смущеніе европейцевъ. Онъ сказалъ: „Я съ большимъ удовольствіемъ всегда принимаю участіе въ этихъ деревенскихъ трапезахъ, напоминающихъ мнѣ патріархальныя времена и времена первыхъ христіанъ.“

Самъ нашъ Божественный Учитель, жившій именно въ этой мѣстности, въ Палестинѣ, трапезоваль со своими учениками именно при такой же незатѣйливой сервировкѣ стола“.

Обѣдъ окончился неизбѣжнымъ на Востокѣ чернымъ кофе, который пили по-арабски, безъ сахара, послѣ чего обѣдующіе умыли вновь руки Митрополитъ вскорѣ уѣхалъ изъ Малюля. Толпа его провожала до околицы деревни, и женскій хоръ особою пѣснею прославлялъ отъѣзжающаго.

Ф. Хури.

Фактъ изъ дѣйствительной жизни.

Сѣрья декабрьскія сумерки окутали Москву. Тамъ грохочетъ орудіе, здѣсь затрещитъ ружейная перестрѣлка, улицы опустѣли, рѣдкіе пѣшеходы, пугливо озираясь, спѣшатъ укрыться домой... По мѣстамъ послышался благовѣсть къ вечернѣ, онъ покрывалъ своимъ гуломъ эти страшные вѣстники смерти, что весь день терзали слухъ испуганныхъ москвичей. Съ разныхъ концовъ къ церквямъ робко потянулись богомольцы. Всѣмъ было тяжело и страшно. Послышался чей-то вопросъ: что это сонъ, или дѣйствительность?.. Отвѣта не послѣдовало... У слабо освященного храма въ раздумьѣ остановилась молодая дѣвушка. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній она вошла въ храмъ. Народу было уже много... Всѣ дружно, но какъ-то подавленно пѣли вечерню. Кончили; вышелъ священникъ бесѣдовать съ народомъ; онъ говорилъ о страданіи, какъ неизбѣжномъ фактѣ въ человѣческой жизни, уяснялъ причину страданій, цѣль, ради которой Человѣколюбецъ Господь попускаетъ людямъ страдать... Живо изобразилъ примѣры библейскихъ страдальцевъ, отношенія христіанъ первыхъ вѣковъ къ разнымъ бѣдствіямъ жизни. Въ храмѣ гробовая тишина. Развѣ пронесется чей-либо вздохъ...

— Смущенно шель я сюда,—говорилъ батюшка,—думалъ, что въ пустомъ храмѣ придется служить но, какъ отрадно стало мнѣ, когда вы въ такомъ множествѣ мужественно собрались подь святой кровью... Бурно и темно уже на улицахъ. Страхъ отъ этихъ грозныхъ событій неволью наполняетъ сердце. Но когда вы близились къ дому Божию, не вспомнились вамъ ученики Христовы среди бури на озерѣ, бѣдствующими въ плаваніи?.. Предъ ними черная пучина, кругомъ разъяренный вихрь, тьма, и вдругъ

еще кто-то идетъ къ нимъ по водамъ... О ужасъ!.. Не призракъ ли это близкой смерти?... Трепещущіе—они вопіють... Но, о радость!.. Кроткій, знакомый голосъ вѣщаетъ имъ: *не бойтесь: это Я...* И задушевные звуки этого сладчайшаго голоса покрываютъ стоны бури. И ринулся стремительный Петръ навстрѣчу по водамъ Грядущему... И шель надъ пучиною, пока вѣриль—и погрузился въ нее, когда усомнился, и опять умолялъ о спасеніи, и руку помощи получилъ. Вотъ и кругомъ насъ стонетъ буря злая, но и мы пришли къ Тому, Кто бурю утишилъ, Петру руку подалъ, всѣхъ остальныхъ учениковъ успокоилъ... И кто изъ насъ искренно принесъ Ему свое горе, развѣ уже не почувствовалъ въ сердцѣ облегченіе? Развѣ здѣсь у св. алтаря не прозвучало тому: *не бойся: Я съ тобою...* Онъ Самъ страдалъ и никого бѣдствующаго въ житейскомъ плаваніи, не оставляетъ... Вспомнимъ же Его страданія насъ ради, чтобы этимъ себя укрѣпить на испытанія, постигшія насъ въ настоящей день злый...

Въ сумракѣ храма звучно, стройно понеслось пѣніе акаѳиста страстямъ Спасителя. Одни упали на колѣни, у другихъ глаза блестя слезой. *Иисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда прїидеши во царствїи Твоемъ...* выливалось у всѣхъ отъ души. Было что-то неописуемо трогательное, чудное, торжественное въ этой общей молитвѣ истерзанныхъ сердцемъ, смущенныхъ, уstraшенныхъ грозными событіями дня, людей... Вотъ и заключительная молитва Человѣколюбцу выслушена съ глубокимъ вниманіемъ. Акаѳистъ конченъ, благоговѣнно подходятъ богомольцы ко св. кресту, лобызаютъ его и снова отходятъ на свои мѣста, чтобы опять слиться въ общемъ пѣніи молитвъ. Ко кресту приложились уже послѣдними немощныя старушки, а толпа народа не кольхнется, стоитъ и поетъ... Смолкло пѣніе... Опять стоятъ... Видно, не хочется покидать домъ Божій, что прїютилъ и согрѣлъ всѣхъ сихъ скорбныхъ и смущенныхъ. Наконецъ, тихо-тихо стали понемногу расходиться и со вздохами вступать на эти черныя отъ мрака улицы, гдѣ попрежнему слышались разрушительные звуки стрѣльбы и яростные вопли толпы...

Въ одномъ изъ безлюдныхъ переулковъ быстро шла та самая дѣвушка, что нечаянно зашла къ вечернѣ... Она, видимо, возбуждена, но выраженіе ея лица такое доброе, почти радостное. Она нервно сжимаетъ въ рукахъ два свертка. Остановилась у пустыря,—рѣшительнымъ движеніемъ бросила за заборъ одинъ изъ нихъ и скоро потомъ сама скрылась въ калиткѣ высокаго дома.

Спустя нѣсколько минутъ, она сидѣла уже въ своей комнатѣ, смотрѣла въ каминъ, гдѣ огонь лизалъ только что брошенный ею другой свертокъ... „Нѣтъ, никогда мнѣ не забыть этого храма, этого умирительнаго общаго моленія, этого дивнаго акаѣиста!..“— вслухъ проговорила она, вставая отъ камина. Долго взволнованно ходила она по комнатѣ въ глубокомъ, сосредоточенномъ раздумьи... Эта дѣвушка была одна изъ тѣхъ чистыхъ, добрыхъ, но довѣрчивыхъ натуръ, что чутко подмѣчаютъ печальныя явленія въ жизни простыхъ тружениковъ, жаждутъ ихъ искорененія, и иногда увлекаются красивыми фразами, не подозрѣвая за ними обмана. Естественно, что она была захвачена волною, такъ называемаго, освободительнаго движенія, посѣщала собранія, митинги, внимала агитаторамъ, иногда сочувствовала имъ и въ роковой день 11 декабря была на одномъ оживленномъ митингѣ, сердце ее билось, руки дрожали, она начинала вѣрить въ правду революціи, кто-то ей сунулъ два свертка: одинъ съ проволокою для баррикады, другой съ прокламаціями; она приняла, хотя рѣшительно не знала, что съ ними дѣлать... Но сперва эти раздраженные рѣчи, эти возбужденно-озлобленные лица, эти призывы къ борьбѣ, къ крови на митингѣ, а потомъ,—это умиленіе, эти вздохи, это общая трогательная молитва, этотъ чудный акаѣистъ въ храмѣ, открыли ей, гдѣ заблужденіе и гдѣ истина, гдѣ добро и гдѣ зло. Пелена спала. Стало все ясно. Съ тѣхъ поръ почти каждый праздникъ дѣвушку можно было видѣть въ томъ храмѣ, гдѣ произошло съ нею душевное просвѣтленіе. А въ одинъ изъ великопостныхъ воскресныхъ дней она присоединилась къ православію, раньше же была лютеранкой.

X. X.

Въ 500-лѣтній юбилей въ Махрищскомъ монастырѣ.

Когда мы проѣзжали отъ станціи „Карабаново“ широкой лѣсной дорогой, до слуха насъ, паломниковъ, донесся гармоническій звонъ колоколовъ — это Махрищская обитель встрѣчаетъ своего первосвященника Митрополита Владиміра, пріѣхавшаго изъ Москвы на юбилейное торжество.

Проѣхавъ нѣсколько лѣсомъ, мы увидали высокую коло-

кольно и бѣлыя, толстыя стѣны съ башнями. Отдохнувъ немного въ отведенномъ помѣщеніи, я поспѣшилъ въ Троицкій храмъ, сооруженный приснопамятнымъ митрополитомъ Платономъ и очень похожій фасадомъ на церковь-корабликъ, находящійся въ Виѣніи.

Скоро изъ этого храма къ монастырскимъ вратамъ направился для встрѣчи крестнаго хода Высокопреосвященный Митрополитъ Московскій и Коломенскій Владиміръ и преосвященные—Никонъ, епископъ Вологодскій и Наѡанаиль, намѣстникъ лавры архимандритъ Товія, инспекторъ Московской духовной академіи, архимандритъ Іосифъ и прочее многочисленное духовенство.

Крестный ходъ вышелъ изъ Сергіева посада 12 іюля и теперь приблизился къ монастырю.

Новыя хоругви, пожертвованные въ Махрицкій монастырь московскими и сергіево-посадскими хоругвеносцами, горѣли на солнцѣ своей позолотой.

Владыка Митрополитъ и епископы Никонъ и Наѡанаиль съ сонмомъ священнослужителей, встрѣтивъ крестный ходъ, отправились въ древнюю церковь преподобнаго Стефана, сооруженную царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ, и передъ его новой роскошной металлической гробницей, сооруженной благотворителями, совершень былъ торжественный молебенъ съ акаѣстомъ пр. Стефану, при пѣніи лаврскихъ пѣвчихъ въ парадѣ.

Послѣ молебна, подкрѣпивъ себя чаемъ, я отправился обозрѣвать эту вѣковую обитель, сооруженную другомъ и собесѣдникомъ преподобнаго Сергія—Стефаномъ.

Несмотря на свое многовѣковое существованіе, обитель эта, приписанная къ Сергіевой Лаврѣ и находящаяся въ 35 верстахъ отъ нея, небогатая. Въ ней нѣтъ ни огромныхъ храмовъ съ позлащенными главами, ни большихъ братскихъ корпусовъ, ни садовъ, красиво разбитыхъ и изобилующихъ цвѣтами, но зато повсюду видна древность. Мнѣ нравятся эти простые, деревянные дома-кельи, съ широкими сѣнями, съ крыльцомъ въ древнемъ стилѣ.

Въ общемъ монастырь довольно просторный.

Походилъ я и по монастырскому кладбищу.

Тутъ полное отсутствіе дорогихъ памятникъ-мавзолеевъ,—и тутъ видно убожество. Въ это время народу на монастырѣ было не особенно много и безмолвіе не нарушалось.

Зайдя въ глубь монастыря, я увидалъ скамью, стоявшую подъ развѣсистымъ деревомъ. Тутъ не было уже дорожекъ, и все поросло высокой, густой травой и репейникомъ. Опустившись на скамью, я задумался и въ моемъ воображеніи представилось то время, когда два человѣка „не отъ міра сего“, два духовныхъ друга—преподобные Сергій и Стефанъ, можетъ-быть, ходили въ свободное отъ духовныхъ трудовъ время по монастырю, отдаваясь бесѣдѣ душеспасительной...

Мнѣ пришли также на память тѣ страницы изъ житія преподобнаго Сергія, когда сей великій подвижникъ и поборникъ земли русской, послѣ недоразумѣнія, происшедшаго съ роднымъ братомъ Стефаномъ и съ иноками, покидаетъ свою обитель и съ однимъ посохомъ, въ грубомъ монашескомъ одѣяніи, пѣшкомъ отправляется искать себѣ пріюта въ Махрѣ, къ своему другу, и при встрѣчѣ Сергій и Стефанъ земными поклонами привѣтствуютъ другъ друга. Вотъ гдѣ подвигъ смиренія и кротости! И теперь, какъ уже сказали, небогата Махрицкая обитель, а тогда она была еще скуднѣе, но зато иноки ея были богаты монашескими доблестями. Деревянные церковки, чуждыя всякаго украшенія, избы, крытыя соломой, съ двумя оконцами и низкой дверью, это—кельи иноковъ; изба настоятеля ничѣмъ не отличалась отъ другихъ избъ. Въ этихъ-то вотъ избахъ въ то время и жили истинные трудники Божіи. Около церковки—звонница, съ колоколомъ всего въ 5 пудовъ, а можетъ, и того меньше... Тутъ подъ деревомъ висѣло и било, и колодецъ тутъ же, вырытый трудами настоятеля. И все это обнесено гдѣ плетнемъ, а гдѣ и тыномъ. Древніе иноки не любили себя огораживать каменными стѣнами. Да и зачѣмъ имъ было?—Ни людей, ни звѣрей они не боялись потому что и отъ своихъ скудныхъ средствъ они удѣляли какъ людямъ, такъ и звѣрямъ „на потребу“. Даже отъ воображенія былого монастырскаго благочестія душѣ станеть легко... Эти постные, изможденные трудомъ подвижничества иноки, съ глазами, горѣвшими Божьимъ огнемъ и любовью къ ближнему, эти убогія церковки и убогія иноческія жилища, душевный миръ, благочестіе и эти богомольцы, искавшіе въ скудныхъ обителяхъ душевнаго мира—гдѣ все это?..

Ударъ въ большой колоколъ прервалъ мое размышленіе. Я поспѣшилъ въ храмъ преподобнаго Стефана.

Назавтра назначено освященіе этого храма. Старинная постройка его оставлена безъ измѣненія, только нѣсколько расши-

рень алтарь. Посреди близъ амвона стоитъ столъ, на немъ св. крестъ, Евангеліе, дароносица, сосуды и другія церковныя вещи, которыя должны находиться на святомъ престолѣ.

Всенощная одновременно началась въ храмѣ преп. Стефана и въ Троицкомъ, а также подъ открытымъ небомъ у св. воротъ; для этого былъ устроенъ высокій помостъ, покрытый краснымъ сукномъ.

У ограды стояли хоругви, пожертвованныя въ монастырь, и святыя иконы.

Въ храмѣ преподобнаго Стефана во время всенощнаго бдѣнія литія совершена внѣ храма Владыкой Митрополитомъ Владиміромъ въ сослуженіи преосвященнаго Наѳанаила, намѣстника Сергіевой Лавры архимандрита Товіи, строителя Олимпія и другихъ священнослужителей; тотъ же соборъ священнослужителей выходилъ и на величаніе преподобному Стефану; помазаніе елеемъ совершалъ Владыка Митрополитъ.

Въ Троицкомъ же соборѣ литія и величаніе совершены были преосв. Никономъ въ сослуженіи намѣстника Чудова монастыря архимандрита Арсенія и многочисленнаго духовенства.

Оба храма переполнены были богомольцами.

Какъ то особенно торжественно и возвышенно совершалось всенощное моленіе на монастырѣ, подъ необъятной кровлей небеснаго свода! Стройно неслись пѣснощія въ тихомъ, тепломъ воздухѣ... Громадная толпа народа съ благоговѣніемъ слѣдила за богослуженіемъ, творя крестное знаменіе. Въ этой толпѣ были и старыя, и малыя, деревенскій людъ и горожане, собравшіеся съ разныхъ мѣстъ на рѣдкое духовное торжество.

Всѣ они отдались вечерней молитвѣ...

Вотъ спустился вечерній мракъ, и въ этомъ мракѣ картинно засверкала множество огоньковъ отъ свѣчей, горѣвшихъ передъ св. иконами, и отъ фонариковъ, которыми иллюминированы были храмы и аллеи монастыря.

„Ублажаемъ тя, преподобный отче Стефане, и чтемъ святую память твою, наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ!“— пѣли священнослужители, пѣвчіе, а съ ними и весь народъ, преклоня колѣна.

„Наставниче монаховъ и собесѣдниче ангеловъ...“—будь же ты, преподобный Стефанъ, ангельскій собесѣдникъ, наставникомъ не для однихъ только монаховъ, но и намъ всѣмъ, собравшимся въ твою обитель!.. Пусть твоя ангелоподобная жизнь, укрѣпляетъ насъ въ переживаемомъ тяжеломъ времени!..

Было уже совершенно темно.

Только кое-гдѣ догорали въ фонарикахъ свѣчи.

Всенощная отошла; богомольцы разбрелись, ища себѣ отдыха послѣ продолжительнаго богослуженія.

Немногіе нашли себѣ пріютъ въ гостинницѣ, большинство же расположилось прямо на травѣ, подѣ открытымъ небомъ.

Тихо стало въ монастырѣ. Я вышелъ изъ душевной комнаты подышать вечернею прохладой и безцѣльно побрелъ по дорожкамъ монастыря.

Вотъ группа богомольцевъ тихо переговаривается между собой, лежа на густой травѣ. Прислушался я къ этому говору, и отрадно стало у меня на душѣ,—говорили о духовной жизни и о подвигахъ преподобнаго Стефана. Какой-то парень, вѣроятно, только что прочитавшій житіе святого, тихо рассказывалъ прочитанное; его внимательно слушали... А вотъ еще не старая женщина съ мертвенно блѣднымъ лицомъ тихо, съ одышкой, говорила спутницамъ о своей болѣзни: издалека она пришла за сотни верстъ искать исцѣленія у гроба преподобнаго. Воздай ей, Боже, по вѣрѣ!..

— Сына я схоронилъ, добышникъ былъ, умный, почтительный былъ сынъ, да чахотка проклятая въ сырую землю уложила... Тоска смертельная, братцы мои, одолѣла... Ни днемъ, ни ночью покоя не давала, совсѣмъ было извелся я, жизни не радъ былъ, да одинъ добрый человекъ посовѣтовалъ мнѣ на богомолье отправиться, по святымъ обителямъ, вотъ я пошелъ странствовать, за душу умершаго сынка Господу молиться... Побывалъ и въ стольномъ Кіевѣ, въ Соловецкой обители, удостоился поклониться мощамъ преподобнаго Сергія и сюда пришелъ въ обитель, къ другу его и собесѣднику... И скажу я вамъ, други мои, тоски моей теперь какъ не бывало, и на душѣ у меня просвѣтлѣло...—обстоятельно говорилъ какой-то старикъ, сидя на травѣ.—Самъ то я изъ подѣ Курска, вотъ ужъ второй годъ пошелъ, какъ странствую по обителямъ, къ осени домой вернусь...

О, какъ заблуждаются тѣ, которые говорятъ, что наши обители не приносятъ никакой пользы народу!

Пройдутъ десятки, сотни лѣтъ, и отъ умниковъ, проповѣдовавшихъ уничтоженіе монастырей, останется одинъ только прахъ, а монастыри все будутъ стоять и стоять, и богомольцы все будутъ нести въ нихъ свое горе и свои радости, доколѣ у нихъ не изсякнетъ вѣра въ Бога и въ святыхъ угодниковъ.

Не должно забывать того, если среди многочисленного монашества найдется хоть одинъ десятокъ истыхъ монаховъ, то и для этого десятка молитвенниковъ должны существовать обители.

Ночь проведена, хоть и въ тревожномъ снѣ. Было 8 часовъ утра и гармоническій звонъ въ большой колоколъ возвѣстилъ о наступленіи духовнаго торжества.

Архипастырь московскій „со славою“ направился въ древній храмъ для совершенія освященія престола и божественной литургіи, которая тотчасъ по совершеніи освященія и началась. По маломъ выходѣ старецъ Олимпій возведенъ Владыкой Митрополитомъ въ санъ игумена. „Достойное—достойному“.

Немало потрудился досточтимый о. Олимпій для Махрищеской обители.

Во время причащаго архимандритъ Іосифъ произнесъ прекрасное слово, посвященное торжеству.

По окончаніи литургіи кругомъ всей монастырской ограды, которая тянется болѣе, чѣмъ на версту, направился крестный ходъ. Въ числѣ многочисленнаго духовенства шествовали—игумены, архимандриты, преосвященные епископы и Владыка Митрополитъ.

По окончаніи крестнаго хода, послѣ „многолѣтія“, Владыка Митрополитъ долго благословлялъ народъ.

Чинъ освященія и литургія заняли время болѣе чѣмъ на пять часовъ, и неутомимый въ трудахъ богослуженія московскій архипастырь только тогда отправился на короткое отдохновеніе для подкрѣпленія своихъ силъ, когда всѣ богомольцы надѣлены были его святительскимъ благословленіемъ.

Въ обширной, прекрасно расписанной трапезной была приготовлена праздничная трапеза, а для хоругвеносцевъ устроена была трапеза въ другомъ помѣщеніи.

Прямо изъ-за стола Владыка Митрополитъ съ сонмомъ священнослужителей поспѣшилъ опять въ храмъ и, облачившись въ святительскія ризы, обратился къ народу переполнившему храмъ, съ своимъ архипастырскимъ словомъ наставленія и утѣшенія по поводу печальныхъ событій, которыя обрушились теперь на нашу многострадальную Русь. Онъ училъ насъ молиться, а не унывать, надѣяться на милость Божию. Искренне, задушевно текла рѣчь изъ устъ первосвятителя, вызвавшая не одну слезу умиленія у слушателей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

въ 1906 году

(издаваемый В. В. Комаровымъ. (Пятьдесятъ первый годъ изданія).

Содержаніе июльской книжки 1906 г. — I. Подъ знакомъ солнца. Романъ. XI—XXI. Николая Энгельгарда. II. Поборница православія. Проф. М. Красножена. — III. Паутина. Романъ. Часть третья. VIII—X. В. Крыжановской (Рочестеръ). — IV. Слѣды языческаго культа въ русскихъ народныхъ домашнихъ украшеніяхъ. А. Балова. — V. 1) Волна за волною. 2) Повѣялъ вѣтеръ. Ниже воды... Стихотворенія К. Гребенскаго. — VI. На фабрикѣ XVI—XVII. (Окончаніе). Повѣсть. Арт. Грушечнаго. — VII. Болѣзнь Гоголя Д-ра Каченовскаго. — VIII. Реформа монетной системы въ Финляндіи (1857 — 1877). А. Якимовича. — IX. Аграрный вопросъ въ Государственной Думѣ. Н. Э. — X. Журнальное и литературное обозрѣніе. Н. Скифа — XI. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. Кровавая бойня въ Севастополѣ возлѣ храма св. Владимира. — Бочка съ кусками человѣческаго мяса. — Дѣтская ножка въ желтомъ чулочкѣ. — „Принудительное отчужденіе“, совершаемое „неизвѣстными лицами“. — Ограбленіе 25 винныхъ лавокъ въ Варшавѣ одновременно. — Триста тысячъ рублей похищено съ 12 мая по 10 іюня. — Новая данная объ организаціи русской революціи на средства японскаго правительства. — Броженіе въ войскахъ. — Бѣлостокскій погромъ. — Митинги въ Москвѣ и Петербургѣ. — Какая-же у насъ форма правленія? — Пренія Государственной Думы съ 15 мая по 15 іюня. — Законопроектъ о гражданскомъ равноправіи. — Министры Его Величества въ Думѣ. — Законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. — Объясненія главнаго военнаго прокурора; отвѣтъ на нихъ Думы. — „Служитель Бога свободы и любви“ о. Аванасевъ. — Законопроектъ о личной неприкосновенности членовъ Думы. — Запросъ о „черносотенныхъ“ телеграмахъ. — Запросъ и пренія о погромѣ въ Бѣлостокѣ. — Объясненія министра внутреннихъ дѣлъ г. Столыпина о дѣйствіяхъ полиціи и по продовольственному вопросу. — „Восточный вопросъ“ и „восточный слогъ“ въ Думѣ. — Отвѣтъ Государственной Думы министру Столыпину. — Печальные итоги. Николая Энгельгарда. — XII. Николай Яковлевичъ Стечквинъ. — XIII. Обзоръ вѣдшихъ событій — Марокко и алжезирасская конференція. В. А. Теллова. — XI. Записки С. А. Тучкова цѣна: на годъ съ достав. и перес. въ Россіи 16 р., на 6 м. 8 р., на 3 м. 4 р., за границу 20 р.

Адресъ конторы редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Содержаніе неофициальнаго отдѣла: Государственная Дума и православно-русская Церковь. — Ильинъ день въ Палестинѣ. — Фактъ изъ дѣйствительной жизни. Въ 500-лѣтній юбилей въ Махрищскомъ монастырѣ. — Объявленія.

Цензорь

Протоіерей Н. Извъновъ.

Исп. об. редактора

Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Типо-литографія И. Ефимова. Москва, Большая Якиманка, собствен. домъ.

ОФФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ

Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей.

30 іюля.

№. 30.

1906 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленъ:

На штатную вакансію діакона къ Николаевской, села Кувѣкина, ц., Подольскаго у., учитель Дорговско-Архангельской церковно-приходской школы, Бронницкаго у., Владиміръ *Троицкій*—21 іюля.

Священникъ Николаевской, села Подмошья, церкви, Дмитровскаго у. Іоаннъ *Колоколовъ*, перемѣщенъ на священническую вакансію къ Спасской, села Волынскаго, церкви, Московскаго у.—19 іюля.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 18 іюля за № 3180, протоіерей Спасской, с. Волынскаго, ц., Московскаго у., Михаилъ *Звѣревъ*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 24 іюля за № 3271, псаломщикъ Московской Воскресенской, на Ваганьковскомъ кладбищѣ, ц., Владиміръ *Воздвиженскій*, согласно прошенію, уволенъ за штатъ.

Утверждены въ должности старость къ церквамъ:

Успенской, гор. Клина, Клинскій купецъ Фотій *Смирновъ*—на 2 трехлѣтіе.

Владимірской, с. Труневокъ, Дмитровскаго у., крест. Григорій *Добряковъ*—на 6 трехлѣтіе.

Богородицкой, при полустанкѣ Перловка, приписной къ селу Мытищамъ, Московскаго у., московскій мѣщанинъ Сергѣй *Курятниковъ*—на 1 трехлѣтіе.

Успенской, с. Картина, Рузскаго у., мѣщанинъ гор. Рузы Алексѣй *Смирновъ*—на 1 трехлѣтіе.

Крестовоздвиженской, гор. Серпухова, Серпуховской купецъ Сергѣй *Шляховъ*—на 1 трехлѣтіе.

Георгіевской, с. Игнатѣва, Богородскаго у., крест. Харитонъ *Малыгинъ*—на 7 трехлѣтіе.

Иоанно-Златоустовской, с. Новлянскаго, Бронницкаго уѣзда, крест. Памфилъ *Тихомировъ*—на 15 трехлѣтіе.

Покровской, с. Покровскаго, на Городиѣ, Московскаго уѣзда, крест. Петръ *Мурашовъ*—на 8 трехлѣтіе.

Христорожественской, с. Выкова, Бронницкаго у., инженеръ-полковникъ Николай Ивановичъ *Ильинъ*—на 11 трехлѣтіе.

Богоявленской, села Семеновскаго, приписной къ селу Ельдигину, Дмитровскаго у., крест. Сергѣй *Мальшевъ*—на 1 трехлѣтіе.

Успенской, с. Гжели, Бронницкаго у., крест. Иванъ *Орловъ*—на 3 трехлѣтіе.

Иоанно-Златоустовской, с. Козина, Звенигородскаго уѣзда, крест. Алексѣй *Сироткинъ*—на 1 трехлѣтіе.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—Утверждены въ должности старость къ церквамъ.

Цензоръ

Протоіерей Н. Извъловъ.

Редакторъ Секретарь Консисторіи

П. Беллавинъ.